

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ АРАБСКИХ ПАРЕМИЙ – МЕТОД И ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

Кухарева Елена Владимировна

Московский государственный институт международных
отношений (У) МИД РФ
Москва, Россия

Введение

Задача преподавания любого предмета, в том числе и иностранного языка, – это не только обучение студентов или школьников неким навыкам и умениям в данной области, но, прежде всего, привитие им желания учиться, познавать мир изучаемой науки, а также воспитание учащихся как гармоничных и нравственных личностей.

На этом поприще изучение иностранных языков имеет, на наш взгляд, определённое преимущество. Ведь язык – это и средство общения, и кладовая знаний и памяти о материальных, социальных, духовных, культурных достижениях и богатствах различных народов. Особенно это становится заметно в связи с получившим за последние десятилетия широкое распространение лингвострановедческим аспектом преподавания иностранного языка. Это направление является прекрасным инструментом, позволяющим открыть перед человеком широкие горизонты в понимании национального характера и представлений о мире собеседника. Поэтому необходимо не только хорошо изучить фонетику, морфологию, лексику чужого языка, но и почувствовать его «душу». А «душа» любого языка заключена в культурных традициях и обычаях народа, говорящего на этом языке, в его истории, религии, этических и эстетических воззрениях, его

преданиях, сказках, пословицах, поговорках, песнях и т.д. «Нельзя понять язык, не имея представления об условиях, в которых живет народность, говорящая на этом языке», – подчеркивал французский учёный А. Мейе [3, с.8].

Предельно концентрировано, полно и ярко наиболее устойчивые фрагменты целостной системы знаний об окружающем мире, служащие более адекватному восприятию собеседника – носителя иной культуры, иного, отличного и самобытного, мироощущения, выражены в паремических¹ и фразеологических единицах, являющихся широко распространёнными языковыми клише. Поэтому весьма актуальным является изучение этих единиц, представленных пословицами, поговорками, афоризмами, фразеологическими оборотами и другими клишированными конструкциями.

Использование в процессе преподавания арабского языка лингвострановедческого словаря арабских паремий, составленного автором, является одним из методов и инструментов решения указанных выше задач в процессе изучения иностранного языка.

1. Паремические единицы как отражение нравственно-этической основы национального менталитета

Однако прежде, чем рассмотреть вопрос о лингвострановедческом словаре арабских паремий и его возможностях в освоении арабского языка, следует остановиться на причинах выбора такого метода как одного из возможных для лучшего понимания изучаемого предмета и овладения им. Привлечение пословиц и поговорок арабских народов в

¹ *Паремия* – 1. *ж. цер.* Нравоучительное слово; || места из Свщ. Писания, читаемые на вечерии по входе [В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: 1-4. – М.: Русский язык, 1978 - Т.3. П. 1980. – 555с., с.18]. 2. *линг.* Класс клишированных конструкций, аналогичных по форме и функциям предложению. Чаще всего под ними понимаются пословицы и поговорки.

качестве важного учебного материала было не случайным, а вполне осознанным шагом.

Афористическая мудрость любого народа, в том числе выраженная клишированными оборотами, представленными пословицами, поговорками и другими устойчивыми конструкциями, не только даёт удобные для ведения речи знаки, образы и примеры, но и содержит комплекс логических приёмов, выраженных в ярких, запоминающихся образцах. Нетрудно заметить, что фразеологические, афористическо-паремические обороты и выражения тесно связаны с реальными условиями жизни и психологией того или иного народа. Они отражают его представления об этой жизни и являются образной, концентрированной проекцией посредством языка его глубинной, генетической, коллективной памяти. Другими словами, отражают так называемую этническую картину мира.

Эта картина определяется как «когнитивная ориентация, являющаяся фактически... имплицитным (скрытым, внутренним) выражением понимания членами каждого общества (в том числе и этнической общности) «правил жизни», диктуемых социальными, природными и «сверхъестественными» силами» [21, с.465].

В последнее время этническая картина мира обозначается и исследуется через понятие '*ценности*' и '*ценностной ориентации*'. Под '*ценностью*' в данном случае понимается серия предположений о мире, базирующихся на фундаментальных представлениях о добре и зле, о правильном и неправильном, о достойном и недостойном, стимулирующая и регулирующая предпочтительный тип поведения людей, в том числе и на языковом уровне. Именно с этнической картиной мира, по нашему мнению, теснейшим образом связано понятие '*национальный менталитет*'.

Существует ряд определений менталитета. В «Новом энциклопедическом словаре» о нём, например, говорится так: «Менталитет (ментальность) – это образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе» [23, с.713]. Однако наиболее полно о менталитете говорит доктор философских наук Е.А.Ануфриев: «Менталитет, не имея чётко выраженной логической формы, обладает определённой системностью, отличается от правосознания и от верования... Это социально-политическая категория, представляющая собой отражение социально-психологического состояния субъекта (народа, нации, народности, социальной группы, человека), которое складывается в результате исторически длительного и достаточно устойчивого воздействия естественно-географических, этнических, социально-экономических и культурных условий проживания субъекта менталитета и проявляется в различных видах деятельности. Складываясь, формируясь, вырабатываясь исторически и генетически, менталитет представляет собой трудно поддающуюся изменениям устойчивую совокупность социально-психологических и духовно-нравственных качеств и черт, взятых в их органической целостности..., определяющих все стороны жизнедеятельности данной общности и составляющих её индивидов» [1, сс.448, 450-451].

В этом контексте становится совершенно очевидно, что менталитет, являясь атрибутом мыслительного процесса, формирует и развивает определенные понятия, облакаемые в процессе речевой деятельности в словесную, языковую оболочку – лексему или более образные и развернутые языковые формы, а именно, устойчивые словосочетания, паремические и фразеологические единицы в виде различных фразеологизмов, пословиц, поговорок, афоризмов и других.

В свою очередь пословицы и поговорки, афоризмы и фразеологизмы, передаваясь из поколения в поколение, закрепляют эти понятия и создают условия формирования как этнической картины мира, так и национального менталитета.

Менталитет, принадлежа неverbальной форме сознания, более того, имплицитному подсознанию, становится «языковым» компонентом на уровне *значения* отдельных лексических единиц и более крупных знаков языка, обозначающих *понятия*, заключённые в языковых клише в целом и их элементах.

Кроме того, он тесно связан с так называемыми *фоновыми знаниями*, которые рассматриваются рядом учёных как «фрагмент когнитивного компонента, непосредственно взаимодействующего с данной коммуникативной единицей в речемыслительной деятельности, но фактически не выраженной вербально» [4, с.5].

Когда же мы обращаемся к любому национальному, в том числе и арабскому, пословичному фонду, то обнаруживаем, что он являет собой не случайный набор более или менее удачных высказываний, а сложную и стройную логическую систему, основанную на выработанных веками и даже тысячелетиями правилах и приёмах обыденного мышления, нравственных ценностях. Он предельно концентрированно, образно и точно передает многовековую житейскую мудрость, социально-этические идеалы и философские воззрения народа и придаёт языку неповторимое очарование, особый аромат и характер, связанные с национальными, историческими и культурными традициями народов.

Кроме того, при преподавании лингвострановедческого аспекта иностранного языка, например, арабского, изучение арабских паремий как отражения национального менталитета, привлекательно ещё и потому, что, с формально-лингвистической точки зрения, все они в

значительной мере изоморфны друг другу и используются в качестве знаков. Они употребляются целиком и в таком, более или менее неизменном виде, фигурируют в устной и письменной речи: «Ли кулли дā ُ даўā ُ» – «Для каждой болезни есть лекарство» (Ср. рус.: «На любой яд есть своё противоядие»). Их также объединяет известное постоянство облика и устойчивость: устойчивость употребления, структурно-семантическая, семантическая, лексическая, морфологическая и синтаксическая; а также системность, когда они выступают не изолированно, а со своими синонимами в плане содержания и вариантами в плане выражения. Наиболее ярко это проявляется в пословицах и поговорках. Варианты пословиц – «это лексико-грамматические разновидности пословиц, тождественные по их значению в целом, стилистическим и синтаксическим функциям и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе» [24, сс.8, 10]. Например, «Хейр лā тиа'маль шарр лā тилқā» или «Хейр лā тсаўўи шарр мā йижик» – «Не делай добра, не встретишь зла» или «Не устраивай добра, не придёт к тебе зло».

С точки зрения логико-ситуативного содержания, паремии могут обладать (или не обладать) мотивировкой своего общего значения, причём как прямой, так и образной, или переносной. Пословицы и поговорки имеют, как правило, переносный смысл, то есть обладают *образной* мотивировкой. В качестве примера можно привести следующее высказывание: «Ман лāна ‘удуху касуфат агсāнуху» – «То, что с гибким стволом, имеет много ветвей» [18, с.36]. В этом выражении заключена мысль, что, например, дружба требует гибкости и мягкости по отношению к друзьям (Ср. рус.: «Ласковый теляти двух маток сосет»).

Как и в других языках, в отличие от слов и фразеологических оборотов, арабские пословичные высказывания, клише паремического типа, представляют собой *тексты*, то есть словесные образования, имеющие самодовлеющее значение, которые могут использоваться самостоятельно. Об этом хорошо сказал Владимир Даль: «Пословица – коротенькая притча... Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком... Как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения...» [7, с.10-11].

Что касается арабов, то они, без преувеличения, гордятся своими пословицами и поговорками. Ибн абд Раббихи (860 – 940 гг.), известный андалузский поэт и прозаик, писал, что «с Божьей помощью и Его благоволения мы говорим пословицами, которые есть украшение речи, суть высказывания, красота мысли... Они категоричнее стихов, благороднее проповедей, ничто не имеет такого распространения и такой всеобщности, как они» [18, с.10].

Арабские учёные разных времен дают очень близкое к В.И.Далю определение категории ‘*масал*’, которая является аналогом русского понятия ‘*пословица*’. Доктор Юсеф Иззаддин так характеризует его: «*Масал* – это правдивая картина состояния народа и нации. Она – итог народного опыта, приобретённого им на протяжении многих лет существования той или иной цивилизации. Это концентрированное выражение его страданий и бед, его радости, гнева и желаний. В них находим мы различные варианты, представляющие жизнь общества и мнения людей разнообразно и многопланово: здесь и едкая насмешка, и сдержанная мудрость» [5, с.«Т»].

Масал – «это первичная философия жизни и поэтому имеет определённое значение в истории мысли, которую понимает лишь тот,

кто углублённо изучает психологию народов, развитие человеческого мышления», – писал доктор Шауки Дайф в своей работе «Выразительные средства в арабской прозе» [5, с.«Йа»].

В книге аль-Фахури приводится определение ‘масал’, данное арабским грамматиком XVII века Абу ль-Бака аль-Куфуви. В своей работе он пишет: «Масал – название словесного высказывания, приемлемого как для простого народа, так и для знати, которое определяет некое явление иносказательно и применяется в радости и в горе. Оно красноречивее, выразительнее других афористических высказываний... Люди широко используют его для выражения своих мыслей обиняком, при этом условием является красота выражения» [18, с.8].

«Масал – слепок реального явления. Это расхожее высказывание, аллегорическое отражение этого явления». Так определяет данные языковые клише живший в IX веке представитель басрийской грамматической школы аль-Мубаррад [Там же].

«Масал характеризуется четырьмя свойствами: краткостью высказывания, точностью смысла, красотой сравнения, совершенством иносказания. Он вершина и предел красноречия». Это определение пословицы принадлежит Ибрагиму Ан-Наззаму, арабскому оратору и поэту [Там же].

Следует отметить, что арабы понятие ‘пословица’ передают также словами ‘хикам’ ^{حِكْمَة} – ‘мудрости’; ‘навāдир’ – ‘редкости, диковинки; необычные истории’; ‘фарā’ид’ ^{فَرَايِد} – ‘перлы; уникальные высказывания’. Это еще и ‘басня’, ‘притча’, а также то, что В.И.Даль определяет как ‘пословичные изречения’, вошедшие, в виде пословицы, в беседу, хотя и не заключают в себе никакой притчи, иносказания, обиняка [7, с.11]. Например, «Тафаррақа ’айдī сабā» – «Рассеялись, как сабейцы». Это

выражение означает 'разбрелись, разошлись в разные стороны'. Оно близко по смыслу русскому выражению «Разошлись, как в море корабли».

Интересно, что именно в плане содержания (то есть в тематике и ситуативности), а иногда и формы, можно наблюдать наибольшее сходство различного типа пословиц и поговорок разных народов, их универсальность. Почему? Учёные-паремиологи (исследователи пословиц и поговорок) по-разному отвечают на этот вопрос.

Одни объясняют их сходство этническим и языковым родством народов [12, с.6] или видят причину в заимствованиях, обусловленных хозяйственными и культурными контактами [Там же, с.13]. Другие – сходством исторического опыта и однородностью идеологии на одинаковых ступенях исторического (общественного) развития. Арабские клишированные выражения развивались на основе всех этих направлений.

Так, большой пласт этих языковых конструкций, со временем распространившимися на всей территории, завоёванной арабами, возник в среде бедуинских племён Аравии, которые вели кочевой образ жизни. Как замечает В.А.Звегинцев, «бедуины [...] почитались арабскими филологами носителями норм чистейшего арабского языка» [2, с.47].

Кроме этого, язык бедуинов отличался и отличается особой, свойственной лишь ему, образностью. Древнеарабская культура была далека от философского осознания мира и философских обобщений, но зато её художественное мышление отличается чрезвычайной яркостью. Окружающий мир служил арабам-кочевникам неисчерпаемым источником художественных образов, которые определили их эстетические и этические взгляды.

В пустынях Аравии родились выражения: ‘‘итāќ ’аль-бāдийа  ’ – ‘свободные сыны пустыни’, то есть ‘истинные бедуины’; ‘наджā’ид (наўāджид) аль-Хиджāз’ – ‘смельчаки Хиджаза’, то есть ‘отважные воины’ [15, с.183].

Завоевания приводили арабов-кочевников в земли, населённые народами, ведущими оседлый образ жизни и исповедовавшими другие религии. Бедуины соприкасались с древними культурами, часто находящимися на более высоком общественно-экономическом уровне развития. Таким образом, арабская культура «явилась результатом активного взаимодействия многих цивилизованных народов халифата, которые восприняли язык как орудие культурного творчества» [2, с.5].

Это, естественно, не могло не отразиться на восприятии арабами окружающей действительности и нашло своё выражение в форме языковых клише, в которых прослеживаются, например, христианские корни, берущие начало из Библии, Евангелия и других христианских священных книг. Отсюда среди арабских характеристик достоинств людей можно встретить такие, как ‘шажжā’ату нуух’ – ‘мужество Ноя’, ‘хикмату луут’ – ‘мудрость Лота’ [15, с.183]. Чтобы охарактеризовать притворщика и коварного человека, арабы говорят: ‘ Илли тазуннух Мўса йтла’а фир’уун’ – ‘Кого ты принимаешь за Моисея, оказывается фараоном’ [10, с.18].

Среди пословиц многие городского и сельского происхождения, возникшие в местах проживания оседлого населения: «’Аль-бустāн куллух карафс» – «Хоть и сад, а всё пахнет сельдереем» [16, с.1]. Эта пословица означает, что любой человек во всём необычном старается увидеть что-то знакомое. Так простому крестьянину не нужны заморские фрукты. Ему ближе и понятнее вкус привычного сельдерея, который он выращивает всю свою жизнь. «Дār н-наджжār би-лā бāб» –

«Дом плотника, а без двери» [16, 25]. По смыслу данная пословица похожа на русскую «Сапожник без сапог», но по употреблённым лексемам явно указывает на своё городское происхождение. Кочевники не используют деревянных дверей в жилищах.

В пословицах мы можем также увидеть и отношение представителей разных социальных слоёв друг к другу. Так, по-видимому, не очень жаловали бедуинов горожане: «’Аль-бада’ий машлуух □ рā тамр мат □ руух □» – «Голодранец-бедуин увидел потерянный финик (и рад)» (Ср. рус.: «Нашел Ивашка белую рубашку, тогда у Ивашки и праздник») [11, с.82].

Соприкосновение с европейцами в разные исторические эпохи нашло своё отражение и в лексике пословиц особенно тех народов, которые оказались под длительным колониальным влиянием: «’Ильфант □ āзийа ўа-ль-қамль фа-ғ-ғаббат □» – «Чванства много, а в сапогах вши» [9, с.185]. Слово ‘саббат’ – ‘сапоги’, ‘башмаки’ не арабского происхождения, а от французского ‘sabot’ и заимствовано из французского языка, учитывая 130-летний период французского колониального господства в Алжире.

Арсенал арабских пословиц и поговорок со временем обогащается идеями, привнесёнными новой идеологией ислама, зародившейся в Мекке и Медине и заложившей морально-этические нормы, которые до сих пор являются незыблемой основой современного арабского менталитета. Многие из этих идей, будучи переплавленными в горниле народного творчества, также приняли форму пословиц: «’Аллā ўāхад аў бīх аншхад» – «Аллах един – вот чему я верю» [Там же, с.151]. Кроме того, немало оборотов было пущено в обиход с легкой руки известных людей в разных областях деятельности. Уже в «обезличенном» виде они воспринимаются как пословицы, поговорки, фразеологические обороты.

Так, отрывки из стихов поэтов древности часто превращались в пословично-поговорочные изречения и афоризмы, становясь достоянием народного фольклора. Причина этого кроется в том, что пословицы и поговорки являются одним из древнейших жанров фольклора, в котором для устойчивости и лучшего запоминания издревле использовались различные стихотворные размеры.

Об этом говорил и В.И.Даль. Он излагал принцип включения в свой сборник тех или иных авторских высказываний следующим образом: «Многие изречения писателей наших, по краткости и меткости своей, стóят пословицы. [...] Есть речения из Св. писания, и они даже большею частью переиначены, но они взяты мною не оттуда и переделаны не мною, а так они говорятся» [7, с.8]. То же можно отнести и к изречениям, взятым из Корана или Сунны, а также «Книги о скупых» знаменитого арабского писателя IX века Джахиза или высказываниям иных известных людей. Например, такое выражение, как «Это дело меня не касается; в этом нет у меня интереса; моё дело – сторона». Дословно выражение звучит так: «В этом деле нет ни моей верблюдицы, ни верблюда». – «*Lā nāqatī fī xāza ŷa-lā djamalū*». Высказывание основывается на историческом факте, связанном с так называемой войной Аль-Басусы. Его автором считается Аль-Харис бен Убад – доисламский поэт, один из племенных вождей Рабиа бен Йасар. Он был свидетелем и современником многолетней войны между племенами Таглиб бен Ваиль и Бикр бен Ваиль, разгоревшейся из-за верблюдицы. Каждая из сторон пыталась привлечь Аль-Хариса на свою сторону, однако он не примкнул ни к одному из воюющих племён, сказав: «Здесь нет ни моей верблюдицы, ни верблюда» [14, II; с.220].

Таким образом, общие корни географического (Аравийский полуостров), социального (родоплеменные отношения и, в основном,

кочевой образ жизни), идеологического (рудименты языческих представлений периода джахилии и, в дальнейшем, ислам) происхождения и исторического опыта (завоевательные походы VI-VII вв.) по мере распространения единого арабского языка со всеми его разновидностями по Ближнему и Среднему Востоку и Северной Африке явились фундаментом формирования пословично-поговорочного фонда, отражавшего общие морально-этические и эстетические взгляды арабов, осевших в различных странах.

Лексический состав пословиц и поговорок часто содержит национально-специфические реалии, характерные для того или иного народа. Вместе с тем, значения, которые приобретают в процессе употребления данные выражения, дают представление, как говорилось выше, об общей этнической картине мира носителя языка и её отражении в его языковом сознании. В качестве примера можно взять пословицы, связанные с кочевой жизнью, проводом караванов как основной формой существования и деятельности древних арабов. Опасности и трудности такой жизни (например, налёты вражеских племён, грабежи на караванных путях) не могли не найти своего отражения в пословицах и поговорках. Так, ливийская пословица гласит: «'Аль-'арйаан фӯ ль-қāфиля мут □ мāн» – «Голому в караване безопаснее всего» [10, с.13]. Иракский вариант звучит так: «'Аль-'арйāн фӯ ль-қāфиля муртāх □» □ – «Голый в караване отдыхает» или «'Аль-муфлис фӯ ль қāфиля муртāх □» □ – «Разорившийся в караване отдыхает» (Ср. рус.: «Мокрый дождя, а нагой разбоя не боится») [11, сс. 91, 147].

Незначительное расхождение в лексике может быть свидетельством отличия менталитета одного арабского народа от другого. Так, в ливийском варианте присутствует слово 'мут □ мāн' – 'спокойный, уверенный'. В иракском же высказывании употреблена

лексема ‘муртаах□’ – ‘удовлетворённый, довольный, радостный’. Кроме того, в другом иракском варианте используется слово, ‘муфлис’ – ‘разорившийся, банкрот’. При общей семантике приведённые пословицы «окрашены» определённой психологической настроенностью, свойственной народам, породившим их, или указывают на возможную социальную среду, в которой они могли возникнуть.

С другой стороны, в пословицах и поговорках находят своё отражение непреходящие, общечеловеческие нравственные ценности, которые могут служить базой взаимопонимания между представителями различных культур.

К общим духовным основам, наверное, любого человеческого сообщества относятся понимание добра и зла, многие личные качества (великодушные и щедрость, гостеприимство, терпение, добрососедство, смелость, честность и другие), представления о семье и её роли в обществе, взаимоотношения между ‘отцами и детьми’.

Как же воспринимают арабы понятия ‘добра’ и ‘зла’, как их толкуют? Арабские толковые словари дают такое обобщенное определение добра: «Добро – это то, что противопоставляется злу; это то, что правильно, полезно, приятно; это – щедрость, честь, благородное происхождение» [25, с.201;26, I, с.649]

Зло же определяется арабами как ‘недостаток, нехватка добра’, как обобщающее имя пороков и грехов, различных дурных поступков; в разговорном языке несёт в себе еще понятие ‘война’ [26, I, сс. 379-380].

Для арабов зло и добро – категории абсолютные. Они вечны, бесконечны и постоянно меняют друг друга. «’Аль-хейр ўи-ш-шарр бил-миўālā» – «Добро и зло всегда идут рука об руку» (иорд.) [12, с.227]. Однако такой подход не означает фаталистического, пассивного, отношения к действительности. Наоборот, у человека всегда есть выбор:

творить добро или зло. Ведь зла можно избежать, если не совершать его, а также если не совершать добра или забыть о сделанном благодеянии. Арабы говорят: «'Асл ш-шарр фа'ал ль-хейр» – «Корень зла в свершении добра» [11, с.18]. Чтобы человек не думал о последствиях своих благодеяний, сирийская пословица рекомендует: «'И'амаль млїх ўа-зиттху фї ль-бахр» – «Сделай добро и брось его в море» [17, с.177]

Другими неотъемлемыми качествами человека, которыми гордится любой араб и которые нашли отражение в арабских паремиях, являются щедрость и великодушие. Лексема, обозначающая эти понятия, несёт в себе также значение 'достоинство, благородство', а ещё 'честь, престиж': «Мā йадўм 'иллā ўажх аль-карїм» – «Долгая жизнь даётся лишь щедрому» (ирак.) [11, с.139]

Широта души и щедрость – качества, достойные похвалы, однако подчас они превращались в безудержное расточительство. И эту сторону жизни не обошли пословицы и поговорки: «'Иза х□аббейт х□уббї 'амїр ўа 'иза льбист 'ильбисї х□арїр» – «Если любишь, люби принца, если наряжаешься, так наряжайся в шёлк» (палест.) [13, с.41] Кроме того, возвеличивая щедрость, арабы с доисламских времён порицают и жестоко высмеивают скупость, жадность, скаредность: «'Амарру мин ас-сабри су'алука ли-ла'їм» – «Горше алоэ твоя просьба к скупому» [20, с.709].

Щедрость и достоинство – священный для арабов долг, проявляющийся, прежде всего, в гостеприимстве. Арабы говорят: «Рүіф бирүіф wa la йбат сәһбак жүған»² – «Дай хоть лепёшку с лепешкой, лишь бы твой друг не лёг спать голодным» [6, с7]. Однако щедрые по натуре, арабы, тем не менее, справедливо считают, что радушие и гостеприимство не равнозначно бесконечному праву на него. О

² Транскрипция дана в авторском варианте.

человеке, злоупотребляющим этим правом, будет складываться неблагоприятное мнение: «Д□айф сā‘а ’айрūd сана» – «Гость (пришёл) на час, а хочет (остаться) на год» (иорд.) [12, с.330]

Среди других нравственных ценностей, отмеченных народным творчеством, можно выделить такие добродетели, как ‘терпение’, ‘терпимость’: «’Аф-сабру даўā’» – «Терпение – (лучшее) лекарство» [9, с.46].

Условия и лишения кочевой жизни (трудности битв, дневная жара, ночной холод и т.д.) в период джахилии, то есть до ислама, были тесно связаны с этой морально-этической нормой.

Интересно отметить, что арабское слово, обозначающее понятие ‘терпение’, применяется в арабских пословицах как для обозначения понятия ‘выносливость, перенесение тягот’, связанных с внешними условиями, так и понятия ‘выдержки и самоконтроля, терпимости’, ‘умения владеть собой’.

В исламе ‘терпение’ – это не просто умение стойко переносить холод, голод, тяготы военных походов. Это – стойкое следование своим убеждениям, несмотря на все соблазны земной жизни, непонимание, даже преследования, в уверенности на достойное вознаграждение в будущем: «’Аф-сабирйн ли-ль-джанна» – «Рай уготован терпеливым» [16, с.82].

Немаловажной чертой арабского менталитета, как в давние времена, так и в наши дни, является весьма пристальное внимание к вопросу соседства и дружбы. Для арабов, никогда не живших в полностью спокойных и беспечных условиях, постоянно воевавших со своими противниками за колодцы, за пастбища, за удобные караванные пути, землю, выбор соседа и друга часто бывал жизненно важным. Арабская пословица гласит: «Х□усн ль-джиўār ‘имāрат ад-дийār» –

«Добрососедство наполняет дома (жизнью)» или «Добрососедство – (залог) процветания стран» (магриб.) [19, с.9].

Отношения соседства составляют основу общественной жизни арабских народов. Сложившиеся в древние времена в среде бедуинов, они стали нормой бытия: «Джāрак аль-'адна хейр мин 'ибн 'аммак лақсā» – «Близкий сосед лучше далёкого племянника» [12, с.182]. При этом осознание того, что соседей не выбирают, заключено в выражении: «'Аль-джāр джāр ўа-'ин джāра» – «Сосед хоть и несправедливый, всегда остается соседом» [20, с.148]. То, что происходит в последнее время на Ближнем Востоке, убедительно показывает, что этот вопрос не утратил своей актуальности.

Честность и правдивость всегда были для арабов – язычников и мусульман – одной из важнейших моральных ценностей: «'Ақ-қидқу мунджин» – «Честность спасает» (ливан.) [16, с.87]. Но правда может приносить боль и страдания. Это также нашло своё отражение в арабских пословицах: «Қаўл иль-хаққ йаджрих □» – «Слова правды ранят» (иорд.) [12, с.425]

Важным аспектом духовной жизни арабов во все времена было отношение к слову: «Хейр аль-калām маа қалла ўа-далла] – «Лучше говорить не многословно, а убедительно» (лив.) [10, с.25]. Для бедуина-язычника слово – и источник мудрости, и вполне материальная основа для вражды и кровной мести: «Мақталу р-раджули бейна факкейхи» – «Смерть и жизнь человека спрятаны в его устах». Слово '*мақтал*' означает одну из наиболее уязвимых частей человеческого организма – сердце [18, с.15]. В исламе мысль, выраженная в словах, поднимается до уровня изучения и осмысления самого человека, его духовного содержания.

Таковы главные, но далеко не единственные нравственные, духовные основы жизни пёстрого арабского общества, нашедшие освещение в лингвострановедческом словаре арабских пословиц и поговорок.

Пережив века, утратив непосредственную связь с конкретными событиями, вызвавшими их к жизни, приобретя специфический смысл и став устойчивыми выражениями, пословицы и поговорки в своей лексике, семантике, этимологии хранят память о прошлом. Они передают знания, опыт, представления древних о мире и духовных ценностях, осуществляя связь времён и преемственность поколений и *нравственно* подпитывая то качество сознания и социально-психологическое состояние той или иной общности или индивида, которое мы определяем как *менталитет*.

Безусловно, на менталитет оказывают влияние и другие факторы. Это и новые реалии и события, меняющийся культурно-исторический фон, а также иные, не морально-этические и лингвистические, аспекты бытия, а именно: политические, экономические, социальные, информационные и другие. Но они же способствуют постоянному пополнению сокровищницы народной мудрости образными, точными и глубокими по смыслу жизненными наблюдениями.

Поэтому, на наш взгляд, изучение пословиц и поговорок может дать больше информации о национальном характере и менталитете, чем иные научные изыскания. Ведь пословицы и поговорки, которые являются знаками языка, употребляемыми в процессе речемыслительной деятельности, выражают закреплённые в них общепризнанные понятия, опирающиеся на определённые ценностные ориентиры, характерные для того или иного социума (в том числе арабского) или индивида. Опираясь на них, мы постепенно проникаем в чужое мироощущение, начинаем

понимать нравственные приоритеты того или иного народа. И это может стать той малой тропкой, по которой народы – представители различных лингвокультурных общностей выйдут на широкую дорогу взаимопонимания, что будет способствовать диалогу цивилизаций.

Инструментом такого постижения и понимания национального менталитета могут стать фразеологические словари и словари пословиц.

2. Лингвострановедческий словарь арабских паремий

как один из методов и инструментов изучения арабского языка

«Арабские пословицы и поговорки. Словарь с лексико-фразеологическими комментариями» является оригинальной лексикографической работой лингвострановедческой направленности, которая отвечает потребностям преодоления возникающих трудностей, связанных с расхождениями в понимании иностранной речи при решении всевозможных задач в процессе межкультурной коммуникации. Эта работа продолжает традицию изучения арабских пословиц и поговорок, заложенную и развитую многими поколениями отечественных и зарубежных языковедов (И.А. Амирьянцем, Н.Н. Амосовой, А.В. Куниным, Г.Л. Пермяковым, Ю.А. Рубинчиком, В.Н. Телия, В.Д.Ушаковым, Г.Ш. Шарбатовым, Б.Я. Шидфар, аль-Амедом, Ландбергом, аль-Майдани, аль-Мубаррадом, ат-Тикрити, аль-Фахури, Шанебом). Вместе с тем, в ней присутствует ряд новых моментов. Словарь является первым в своём роде опытом объединения элементов фразеологических, толковых и двуязычных лексических словарей.

Такой сплав обусловлен тем, что общение представителей различных лингвокультурных и этнокультурных общностей требует от его участников не только знания чужого языка, но и ставит наиболее трудно решаемую проблему переноса реципиента в другое языковое и когнитивное измерение (историческое, культурологическое). Целью

такого переноса является достижение максимально полного понимания сути побудительных мотивов, уходящих своими корнями в глубины национального менталитета, тех или иных действий партнёров по этой коммуникации.

Автор много лет посвятил преподаванию арабского языка, в частности лингвострановедческого аспекта, в Московском государственном институте международных отношений, где, как известно, готовят специалистов-международников для внешнеполитического ведомства России, для внешнеэкономических организаций, журналистов-международников. Опыт этой работы подсказал, что, чем больше и лучше студент или выпускник владеет не только профессиональными навыками и знаниями, но и фоновыми знаниями иноязычной культуры, адекватно реагирует на обстановку в процессе общения, умеет вовремя сказать меткое слово, афоризм, привести стихотворную строфу, тем легче ему достучаться до своего собеседника-араба.

Кроме того, многие начинающие арабисты свой выбор делают не осознанно, а поддавшись импульсу. Часто можно услышать, что студент избрал арабский язык, потому что это – экзотика, или он хочет общаться с местным населением, когда ездит на курорты Ближнего Востока. Однако уже первые занятия оказываются холодным душем для тех, кто был не готов к трудностям в постижении классического и литературного арабского языка, для кого не только непонятной, но даже чуждой кажется арабская культура.

Автор является сторонником фундаментального, даже академического, а не фрагментарного, сиюминутного, основанного исключительно на коммуникативных технологиях, преподавания иностранного языка. При этом он прекрасно отдаёт себе отчёт в том, что

общение в быту в арабских странах осуществляется на обиходно-разговорном языке в различных ситуациях и по различным поводам. Однако особенностью арабского языка является то, что, зная литературный арабский язык, человек везде, в любой арабской стране, сумеет договориться с собеседником. Если же он знает лишь один из 22 диалектов арабского языка, то задача общения, стоящая перед ним, заметно усложняется. С другой, стороны, не все арабы владеют литературным языком в такой степени, чтобы на нём общаться. Это, как правило, осуществимо при контактах с арабской интеллигенцией, образованными людьми. В других случаях требуется знание разговорного языка страны.

Как же соединить воедино два направления в преподавании иностранного языка – академическое и коммуникативное? Как показать, что это не два разных, изолированных друг от друга пути, а единое целое, но со своей спецификой, со своими сферами приложения.

Думая над этим вопросом, мы сочли, что одним из благодатных направлений в решении данной проблемы будет составление словаря арабских паремий. Почему?

Во-первых, как говорилось выше, в них наиболее концентрировано, полно и ярко выражены устойчивые представления и элементы целостной системы знаний об окружающем мире (когнитивные компоненты), служащие более адекватному восприятию иной культуры, иного самобытного мироощущения.

Во-вторых, арабские пословицы и поговорки, бытующие в странах Ближнего Востока и Северной Африки, представлены как на литературном языке, так и на обиходно-разговорных языках народов арабских стран, в том числе: Иордании, Ирака, Ливана, Ливии, Сирии, Алжира, Марокко и др. Кроме того, некоторые из них являются немного

переиначенными или взятыми целиком высказываниями из Корана, Сунны, Библии, Евангелия.

Таким образом, предлагая студентам исследовать те или иные пословицы или выражения, преподаватель может продемонстрировать многие аспекты изучения языка. Перед студентами открывается возможность познакомиться с фонетическими и лексическими особенностями региональных языков, спецификой психологического восприятия арабами тех или иных ситуаций, личных качеств людей, отношения к различным сторонам жизни общества. Другими словами, по мнению автора, такое ознакомление учащихся с пословичным фондом арабских стран позволяет им лучше понять менталитет и национальный характер арабов.

При работе над словарём автор опирался на лексикографические работы схожего направления арабских авторов из Иордании, Ливана, Египта, Сирии, Марокко, Алжира, Кувейта, ОАЭ и других, а также справочники, арабские толковые словари и материал, собранный в ходе полевой работы с носителями арабского языка. Словарь содержит 430 пословиц, поговорок, фразеологических оборотов и т.д., включая их варианты и модификации.

Исходя из убеждения, что подобная работа должна служить важнейшим целям преподавания – познавательной и воспитательной – автор смоделировал структуру словаря таким образом, чтобы студенты могли познакомиться с основными моральными и духовными ценностями арабского общества; общеарабскими литературными и региональными вариантами пословиц и поговорок; особенностями региональных пословиц в лексико-семантическом и фонетическом плане; с конкретными предметными ситуациями, когда требуется речевая реакция с применением тех или иных паремий.

Словарь состоит из введения, включая вступительную статью, посвящённую главному предмету содержания пособия – пословицам и поговоркам, девяти тематических разделов, раздела нетематических пословиц и поговорок, приложения, алфавитного списка пословиц, включённых в словарь и списка литературы.

Методологическими приёмами, направленными на создание более цельного представления об арабской этнической картине мира и национальном менталитете арабов в процессе знакомства с арабскими паремиями, были следующие:

1. Распределение пословиц и поговорок по тематическим разделам. Эти разделы отражают некоторые основные нравственные ценности и личностные качества. Например, восприятие добра и зла; вера, благочестие; отношение к смелости и трусости; щедрость, великодушие, гостеприимство и др.

2. Сквозная нумерация пословиц и поговорок, что облегчает поиски дополнительной информации, содержащейся в приложении к словарю. В каждом разделе исходная, базовая, арабская пословица, поговорка, фразеологический оборот и т.д. даются под порядковым номером. Если у данного выражения есть либо региональные, либо семантически близкие варианты на литературном языке, то они идут под буквенным обозначением. На наш взгляд, в плане методики такой подход не только обоснован, но и полезен. Студенты наглядно могут оценить общее и специфическое в подходах арабов из разных арабских стран к одним и тем же явлениям и ситуациям. Они также имеют возможность познакомиться с лексическим богатством арабского языка.

3. Расположение пословиц в рамках одного раздела в порядке, который позволяет видеть весь спектр мнений по данному вопросу: от

положительного отношения к тому или иному человеческому качеству или жизненной ситуации до их полного отрицания.

В разделе нетематических пословиц выражения расположены в алфавитном порядке.

4. Снабжение каждой пословицы словарём, в котором содержатся не только русские лексические эквиваленты арабских слов, но в ряде случаев даются лексико-грамматические комментарии. Особенно это касается пословиц, приводимых на обиходно-разговорных языках, или диалектах, некоторых арабских стран. Благодаря этому, студент может сравнивать пословицы разных арабских народов как на лексико-семантическом, как и на грамматическом уровне. Такой подход позволяет студенту постепенно, шаг за шагом, знакомится с различными обиходно-разговорными вариантами арабского языка. В дальнейшем это может облегчить ему изучение конкретных арабских диалектов.

5. Сопровождение пословицы или группы пословиц, отображающих тот или иной аспект вопроса, обозначенного общей темой раздела, развёрнутым авторским или заимствованным лингвострановедческим комментарием, характеризующим конкретную предметную ситуацию, в которой могут быть применены данные пословицы. В комментарии приводятся также русские пословицы, используемые в аналогичных случаях. В условиях весьма смутного представления многих начинающих арабистов не о политической или курортной жизни в арабских странах, а о социальном, культурном, духовном бытии арабского общества, сравнение арабских пословиц и поговорок с русскими позволяет находить то, что нас роднит в духовной и нравственной сферах. А, как известно, опора на общие ценности может стать кратчайшим путём к взаимопониманию.

6. Обеспечение словаря дополнительной информацией, содержащейся в приложении. Ряд пословиц снабжен ссылками на это приложение. В приложении отображены вопросы, которые структурно не могут быть вынесены в основные разделы, но несут дополнительную лингвострановедческую, лингвистическую, историческую и иную информацию. Это, по мнению автора, поможет глубже проникнуть в суть приводимых пословиц, поговорок и др. В приложении приводятся также высказывания из Корана, Сунны, изречения различных арабских философов, учёных, поэтов, которые, не будучи пословицами и поговорками, стали источником для возникновения многих из них. Каждый пункт приложения, в свою очередь, снабжён ссылкой на страницу и номер пословицы или группы пословиц, к которым относятся.

Словарь используется как для самостоятельной работы студентов, так и на занятиях по лингвострановедению. Он даёт дополнительный или основной иллюстративный материал по той или иной теме лингвострановедческого модуля.

Как основной, так и дополнительный лингвострановедческий материал словаря соответствует программам преподавания практических курсов арабского языка по всем аспектам – общий курс арабского языка, язык специальности, курс перевода – и может быть использован в качестве иллюстративной основы при преподавании арабского языка на всех курсах. Он может также служить практическим инструментом понимания и восприятия национальной арабской культуры. В практике преподавания арабского языка в МГИМО словарь используется на занятиях по лингвострановедению на 2-3 курсах факультетов Международных отношений и Международных

экономических отношений, а также на первом курсе упомянутых факультетов в группах после Курсов редких языков³.

Методическое и дидактическое применение данного словаря состоит в следующем:

1.Создание лингвострановедческого поля в преподавании различных аспектов арабского языка на базе образной системы и иерархии основных ценностей арабских народов.

2.Расширение словарного запаса студентов как в области литературного арабского языка, так и обиходно-разговорных языков различных арабских стран.

3.Развитие речевых навыков студентов и умений понимать и активно выражать речевые реакции в условиях подготовленной и спонтанной речи.

Словарь соответствует требованиям Закона Российской Федерации об авторском праве от 9 июля 1993 года №5351-1, в соответствии с которыми автор данного пособия использовал в своей работе правомерно обнародованные произведения и отрывки из них в качестве иллюстраций (в широком смысле) в объёме, оправданном поставленной целью, с обязательным указанием имени автора приводимого отрывка и источника его заимствования.

Безусловно, данный лингвострановедческий словарь это лишь самая верхушка айсберга и начало долгой и кропотливой работы подобного рода в области арабских паремических и фразеологических оборотов. Он содержит лишь часть концептов, отражающих нравственные ценности, этические и эстетические взгляды арабов. В

³ Двухгодичные Курсы редких языков МГИМО организованы для учащихся 10-11 классов. На Курсах изучаются в основном восточные языки (арабский, турецкий, китайский, японский), а также некоторые редкие европейские языки. Программа Курсов по изучению редких иностранных языков соответствует программе изучения этих языков на первом курсе факультета МО.

него не вошли, например, пословицы и поговорки, связанные с семейно-родственными отношениями, животными, национальной кухней, пословицы, рождённые эпохой глобализации и Интернета. Автор надеется продолжить работу в этом направлении и пополнить свой словарь новыми сюжетами.

В целом же, работа над словарём и со словарём направлена на то, чтобы как можно более успешно решить задачу межкультурной коммуникации. В числе методов решения этой проблемы можно назвать поиск и использование в речи пословично-поговорочных, афористических клише, в которых закрепились и сохранялись в неизменном виде на протяжении столетий определённые основополагающие нравственно-этические представления об окружающей действительности. В этом случае есть шанс вести позитивный и продуктивный диалог культур, исходя из совокупности основных моральных установок, опирающихся на вековые традиции, а также на ряд общих религиозных положений, суждений и предписаний, изложенных в священных книгах в рамках сакральных сюжетов и лежащих в основе быта, сознания и менталитета многих народов - коммуникантов.

Заключение

Изучение иностранных языков необходимо. Это аксиома. В нашем глобализированном мире межнациональные, межэтнические контакты становятся шире и чаще. Возможность познакомиться с представителями других культур, носителями других представлений о мире и человеке, других нравственных ценностей и культурных предпочтений из мечты превратилась в реальность, а иногда и в обыденность. Иностранный язык – это прекрасный инструмент

поддержания и углубления таких контактов. С его помощью мы расширяем свой кругозор, получаем новые знания. Познавая мир с помощью иностранных языков, мы обогащаем себя умственно и духовно. Всё это даёт нам прекрасный шанс расти и совершенствоваться, становиться гармоничными и всесторонне развитыми личностями.

Однако язык и как знаковая система, и как орган, воспроизводящий её – оружие обоюдоострое. Неумелое использование этих инструментов, незнание подводных камней, таящихся в глубинах национальных языков, навязывание своих представлений о мире с помощью даже очень правильно построенных, с грамматической точки зрения, фраз на иностранном языке, всё это может привести не только к непониманию, но даже к враждебности. Особенно важно это учитывать, когда речь заходит о наиболее чувствительных и острых для данного этноса, социума или индивида вопросах.

Чтобы избежать подобных проблем, студентам в процессе изучения иностранных языков следует чаще обращаться к тем аспектам языка, речевой практики, которые могут помочь решить вопрос взаимопонимания. И здесь снять печать с тайн души представителей иных лингвокультурных общностей призваны пословицы, поговорки, фразеологизмы и иные устойчивые клишированные обороты. Поэтому создание и использование в работе преподавателя иностранного языка лингвострановедческих словарей весьма полезное и перспективное дело.

Литература

1. Ануфриев Е.А. Политический менталитет как фактор общественной жизни. /Е.А. Ануфриев //Политология. Курс лекций. – М.: Зерцало, 1999. – С.446-457
2. Звегинцев В.А. История арабского языкознания. Краткий очерк /В.А.Звегинцев. □М.: Изд. Моск. ун-та, 1958. □ 80с.

3. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. /А.Мейе. Перев. с фр. А.В. Дилигенской; Ред. и предисл. Б.Г. Горнунга. – М: И.-Л., 1954. – С.8 - 97
4. Шабес В.Я. Событие и текст: Монография. /В.Я.Шабес. – М.: Высшая шк., 1989. – 175с.
5. Дейф, Шауки. Аль-бахс аль-адаби, табиатуху, манахиджуху, масадируху/Шауки Дейф. – аль-Кахира: Дар аль-маариф, 1983. – 278 с.

Источники

6. Гордлевский В.А. Арабские пословицы, записанные в Дамаске /В.А.Гордлевский. Древности восточные, т.1У. Вып. 1. – М., 1912. – 9с.
7. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО Пресс, Изд-во ННН, 2000. – 616с.: илл.
8. Коран/Перевод И.Ю.Крачковского. – М.: Внешторгиздат., 1990. – 447с.
9. Кудрявцев Ю.Н. Учебное пособие по алжирскому диалекту. /Ю.Н. Кудрявцев. – М.: МГИМО, 1987. – 249с.
10. Ливийские народные пословицы и поговорки (На ливийском диалекте арабского языка) / Сост. Ю.Н. Кудрявцев. – М.: МГИМО, 1988. – 37 с.
11. Рзаев Х. Пословицы / Х.Рзаев. – Баку: Нисал, 1993. – 172с.
12. аль-Амед, Хани. Аль-амсаль аш-шаабия аль-урдунийа. Жамаа ва тасниф/Хани аль-Амед. – Амман: Визарату с-сакафа ува ш-шабаб, 1978. – 722 с.
13. Любани, Хусейн Али. Муаджам аль-амсаль аль-филастынийа (араби-араби). Бейрут: Мактаба нашарат Любнан, 1999. – 937 с.
14. аль-Майдани, Ахмед ибн Мухаммед. Муаджим аль-амсаль. Т.1-2/Ахмед ибн Мухаммед аль-Майдани. – Дар аль-фикр, 1972. – 462с.
15. Сыддик Абдельфаттах. Хукум ва амсаль ва навадир мин бутун ат-турас /С.Абдельфаттах. Аль-Кахира:Мактаба Макбули, б.г. 244с.
16. Сыни,Махмуд Исмаил. Муаджам Аль-амсаль аль-арабийа/Махмуд Исмаил Сыни, Насыф Мустафа Абделаиз, Мустафа Ахмад Сулейман. – Бейрут: Мактаба Любнан, 1992. – 181 с.
17. Таха, Джамана. Мувассаа р-равайа фи ль-хикам ва ль-амсаль. Эр-Рияд: ад-Дар аль-ватанийа аль-джадида, 2002. – 720 с.

18. аль-Фахури, Хана. Аль-хикам ува ль-амсаль / Хана аль-Фахури//Фунун аль-адаб аль-арабий (Арабская литература). – ат-таб'а р-рабиа (4-е изд.) – аль-Кахира: Дару ль-маариф, б.г.– 88 с.
19. Cheneb, M. Ben. Proverbes arabes de l'Algйrie et du Maghreb: in 3 vol. / M.Ben Cheneb. ? Paris: E. Leroux, 1905-1907.- 301p.
20. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь: Ок. 42000 слов. – 6-е изд., стереотип. /Х.К.Баранов. – М.: Изд. Русский язык, 1984. – 944с.
21. Краткий психологический словарь. /Ред.-сост. Л.А.Карпенко; Под общей ред. А.В.Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-ое изд., расш., испр., допол. – Ростов н/Д: Изд-во Феникс, 1999. – 512с.(КПС)
22. Кухарева Е.В. Арабские пословицы и поговорки. Словарь с лексико-фразеологическими комментариями/ Е.В. Кухарева. – М.: АСТ; АСТ Москва; Восток-Запад, 2008. – 303, [1]с.
23. Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая Рос. Энцикл.: Рипол Классик, 2002. – 1455с. (НЭС)
24. Словарь употребительных английских пословиц: 326 статей. /М.В.Буковская, С.И. Вяльцева, З.И. Дубянская и др. – 2-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1988. – 240с.
25. Дж. Масуд. ар-Раид. Муаджим люгавий асрий/Масуд Джубран.– Бейрут: Дар аль-ильм ли-ль-маляин, 1978. – 1627с.
26. Аль-Мунджид фи л-люга. – Бейрут: Дар аль-Машрик, 1986. – 799 с.